

— СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

люди искусства

РОЛЬ ВЛЕКУЩАЯ

Фархад АГАМАЛИЕВ

Он с детства имел склонность к точным наукам. Позже, когда все сбилось и Гасан Мамедов стал студентом физико-математического факультета Бакинского университета, отец в честь этого исторического события посадил во дворе айвовое дерево. А потом был день, когда разгневанный отец едва не срубил его: как-то во время капикула, листая учебники и конспекты сына, Мамедов-старший с изумлением обнаружил, что они не имеют ни малейшего отношения к точным наукам. Выяснилось, что Гасан давно оставил физмат и учится в театральном институте.

— Как, — долго не мог успокоиться отец, — сменять солидную науку на актерство? Да когда такое было, чтобы кто-то из Мамедовых смешил людей со сцены?

Но театральным актером Гасан Мамедов тоже не стал. Не спешите обвинить его в несерьезности. Театр — его первая любовь. Не забываясь, с нежностью вспоминается им время, когда год спустя после приезда из Сальян в Баку он обнаружил, что в мире есть и такое чудо — театр. Смотрел все спектакли подряд. И досмотрелся: забрал из университета документы. И поступил в театральный институт.

Для кино Гасана Мамедова открыл режиссер Габиб Исмаилов — увидел в курсовом спектакле в пору долгих поисков актера на роль Гараша в фильме «Великая опора». Счастливый случай? Можно, конечно, сказать так — и дальше пойти. Но если взглянуть глубже, то выявятся интересные закономерности: шел год 1960-й, азербайджанский кинематограф стоял на дальних подступах к знаменательным творческим преобразованиям, и ему все ощущалось нужным были новые актерские силы, несущие с собой новый способ видения и осмысления экранного образа; все больше нужен был герой, не только с похвальной безоглядностью действующий, но и умеющий тонко чувствовать, думать.

Тем временем айвовое дерево в старом отцовском дворике росло и процветало. Отец «простил», увидев Гасана в фильме «В этом южном городе». В картине состоялись два дебюта — вчерашнего вживца режиссера Эльдара Кулиева и недавнего выпускника Высших курсов сценаристов Рустама Ибрагимбекова. Но можно сказать, что это был своеобразный дебют и Гасана Мамедова, ибо ничего равного по психологической глубине и сложности ему до той поры играть не доводилось.

«В этом южном городе» — фильм во многом этапный для азербайджанского кино 60-х годов. Картина смело и жестко исследовала проблемы, имеющие, по сути, прямой выход к проблемам социальной психологии: насколько живучи и как преодолеваются в сознании современника старинные предрассудки; всегда ли прав коллектив, если веками выработанные им иные «нормы» изначально основаны на

искаженных понятиях и принципах? А если сказать по-просту, то вот ситуация. «Мораль» старой бакинской улицы, ее понятия о мужской чести предписывают Мураду отомстить другу детства за «тяжкое оскорбление»: друг, полюбив другую, не женился на сестре Мурада. Не отомстишь, прослывешь трусом. Дико. Но кто первый отважится сказать об этом, кто выступит против реликтовых нравов старой улицы?

Роль не давалась. Сцены с Гасаном Мамедовым много раз переснимались. Он изнервничался. В один из раскатанных июньских дней бродил по Баку, праздно наблюдал полусонную жизнь старых улиц, где вроде ни тревог нет, ни волнений, и вдруг подумал: а ведь за каждой из этих дверей бурлит другая, от стороннего взора скрытая жизнь, где события, страсти, драмы... Тривиальнейшая мысль, правда? А роль «пошла». Озарило: не надо «играть», не нужно бурливых страстей на поверхности. Ключ, стилистика роли — вот они, в жизни: внешнее спокойствие, внутренний драматизм.

Отец, посмотрев картину, сказал:

— Что ж, тоже, значит, серьезное дело — артистом быть. — И добавил, будто подумал вслух: — Как же ты дальше, после такой роли?

Как же, действительно, дальше? Вопрос волновал, мучил. Шумной пестрой птицей налетела известность. Посыпались звонки, просьбы дать интервью республиканским газетам, телевидению... И прочее, приятное и утомительное. И много заманчивых предложений. А он читал и читал сценарии. Снимался мало и, хотя недостатка в лестных отзывах не было, большого удовлетворения от сделанного не получал. Ждал. Потом режиссер Тофик Таги-заде предложил роль Бахтияра в фильме «Семеро сыновей моих». Прочитав сценарий, написанный Юсифом Векиловым по мотивам «Комсомольской поэмы» Самеда Вургана, он не колебался ни минуты: мое!

Сейчас, «прокручивая» в памяти эту чистую, цельную и страстную ленту, вновь видишь стиснутую скалами извилистую дорогу, по которой медленно едут семеро всадников. Суровые молодые лица, стук копыт в напряженной, смертельно опасной тишине, готовый в любой миг взорваться выстрелами. У комсомольцев во главе с Бахтияром, в сущности, невыполнимая задача: всемером выбить из горного селения банду местного бека и установить в районе Советскую власть. Они выполнили эту задачу. В картине счастливо найдено было «золотое сечение»: романтически приподнятая интонация и острая приключенческая динамика лишь ярче высвечивали драматическую суть событий. Да, Бахтияр дрался со стальной убежденностью в святости революционных идеалов и на врагов наводил ужас его не знающий промаха маузер. Но мы поднимали глаза выше, встречали пе-

чальный взгляд его огромных глаз, видели седую прядь, которой не было вчера, когда живы были все бойцы его крохотного отряда, и вдруг с шемящей пронзительностью понимали, как безмерно тяжело это — делать историю.

— Гасан, — спрашиваю я его, — что остается в памяти от такой напряженной работы?

— Память — это у зрителей, — улыбается он по-детски светлой улыбкой. — А актер от настоящей работы становится чуть-чуть больше актером.

— Но если сложить все эти «чуть-чуть»... Ведь тридцать ролей уже в кино.

— А не надо все складывать — я ведь только о настоящей работе говорил...

Да, были у него и полудачи и успех. Но в образах, созданных Гасаном Мамедовым даже в неудавшихся картинах, ощутили внутренняя значительность и человеческая наполненность — тот самый случай, когда актер перерастает предложенную драматургию. Мысленно представив себе «синусоиду» творческой судьбы даже самого яркого киноактера, мы увидим, что вершинных точек в ней не так-то уж много. И ничего тут нет удивительного — порой годы проходят, как бы насквозь пронизанные десятками тысяч метров пленки, пока актера отыщет роль, которую назовут потом «этапной». Именно такую роль сыграл Гасан Мамедов в фильме «Допрос».

Картина, снятая Расимом Оджаговым по сценарию Рустама Ибрагимбекова, — одно из самых ярких явлений в азербайджанском кино последнего времени; фильм завоевал главный приз Всесоюзного кинофестиваля в Душанбе, а ныне удостоен Государственной премии СССР. Среди лауреатов этой высокой премии и заслуженный артист Азербайджанской ССР Гасан Мамедов.

Героя Гасана Мамедова в «Допросе» снова зовут Мурадом, но на этом совпадении с его ролью в ленте «В этом южном городе» не заканчиваются. Мурад из «Допроса» — человек не только обманутый и подло преданный недавними «компаньонами». В этом Мураде, как и в том, тоже сильна власть искаженных, перевернутых понятий о долге, чести. Он «сознается» на следствии в несовершенных им преступлениях; он готов сесть в тюрьму, но не выдать укрывшуюся за его спиной мразь и жулье. Потому что «друзей не выдают».

Великолепен дуэт Гасана Мамедова и Александра Каллягина, создавшего образ следователя Сейфи. Сцены, где сходятся два этих актера, как бы выстраиваются в самостоятельную повесть со своим сложным развитием, с нарастающей нотой драматизма. Гасан Мамедов рисует характер в движении. Мурад в начале фильма внешне почти равнодушен к своей судьбе — он все решил, сжег все корабли. В конце фильма, потрясенный предательством «друзей», он пытается покончить с собой в камере. Между этими двумя состояниями глуже-горный процесс прозрения и переоценки ценностей. И осознание своей опустошенности, непригодности для этой внезапно открывшейся и совершенно ему не знакомой жизни. И поэтому тоже желание выйти «из игры».

Готовясь сыграть нефтяника, актер может на месяц пойти на буровую, а желая, скажем, исполнить роль хирурга — присутствовать на операциях. Ситуацию Мурада в жизни не проиграешь (и слава богу!). Тут надо было до всего достучаться сердцем, прорасти в образ нервов души. Вспоминая работу в «Допросе», Гасан Мамедов рассказывал, что однажды, знакомясь, он назвался Мурадом, а в другой раз, проснувшись ночью дома, долго не мог понять, почему люстра в камере предварительного заключения. Я слушал и думал: что же драматичнее — сюжет самого конфликтного фильма или «сюжет» жизни актерской? Спросил: не слишком ли высокая цена — так вот истязаться, забывать имя свое, едва ли не раздваиваться всякий раз — и все ради полуторачасовой жизни на экране? Он улыбнулся:

— «Забыть имя свое...» Да это же лучший миг в работе! С этого момента уже не ты ведешь роль, она влечет за собой — безошибочно, как птицы по звездам точно находят дорогу к своим заветным землям...

Айвовое дерево в маленьком дворике в Сальянах каждую осень дает тяжелые золотые плоды.

Заслуженный артист Азербайджанской ССР Г. Мамедов.